

УДК 821.061.1.09.1917/1992

Екатерина Ключикова (Пермь)

ОРИЕНТАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РАННЕЙ ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ КИМА

В статье рассмотрен один из мифологических образов дальневосточной культуры — лисица-оборотень — в ранней прозе Анатолия Кима. Определены характерные черты данного образа в дальневосточной культуре, а также проанализирована их авторская интерпретация. Сделана попытка противопоставления органичного мифологизма А. Кима и современной русской литературы, пользующейся дальневосточной образностью.

Ключевые слова: А. Ким, дальневосточная культура, современная русская литература, демонология, мифопоэтика.

Мы обратились к творчеству писателя Анатолия Андреевича Кима конца 1970-х — середины 1980-х годов, поскольку в этот период важную роль играет ориентальная образность. Ранее произведения этого писателя рассматривались в принадлежности к прозе «сорокалетних». Критик В. Бондаренко отмечал оппозицию восточного и западного в произведениях писателя, но не уделял этому достаточного внимания. Однако нам Ким интересен именно тем, что он одним из первых в советской литературе обратился к востоку, к его мифологии и философии, отчасти на основе которых он конструировал свою идею бессмертия. Его ранние повести и романы в некоторой степени сопоставимы с произведениями Чингиза Айтматова, в которых также значима национальная мифология: «При интерпретации айтматовских текстов (часто при всей сюжетной простоте некоторых из них) мы непременно сталкиваемся с проблемой «европейского» способа их восприятия, полностью преодолеть которое для читателей, воспитанных на европейской (не обязательно только на русской) литературе достаточно сложно» [5, с. 8]. Важно отметить, что Анатолий Ким является этническим корейцем, в 1990-е годы он работал в Сеуле, в настоящее время проживает в Казахстане и занимается живописью.

Наиболее ярко дальневосточная традиция проявлялась в ранних произведениях А. Кима (до конца 1980-х), в 1990-х годах стала чаще возникать христианская образность. Мы, в основном, сосредоточимся на повести «Лотос», написанной в 1980 году, поскольку в ней наиболее отчётливо выражена авторская вариация одного из известных мифологических персонажей Дальнего Востока — лисицы-оборотня.

Этот образ присутствует и в китайской мифологии (хули-цзин 狐狸精), и в японской (кицунэ 狐), и в корейской (кумихо 구미호). Данный образ содержит в себе комплекс характеристик, связанных как с внешним видом, так и с особенностями поведения.

По словам синолога И. Алимова, наиболее древние источники указывают на девятихвостых лис, белых лис и белых девятихвостых лис. Так, в «Каталоге гор и морей» даётся следующее упоминание лисы: «[Там] водится животное, похожее на лису, || но с девятью хвостами; звук его голоса напоминает плач ребенка. [Оно] может сожрать человека. Тому, кто съест его, не [опасен] яд змеи» [2, с 29]. Интересно, что наряду с девятихвостой лисой встречается животное с девятью хвостами и четырьмя ушами, похожее на барана. Стоит отметить, что в китайской культуре число девять считается счастливым, символом бессмертия, бесконечного множества и духовного абсолюта. Интересно, что в современных произведениях русской литературы, в которых встречается генетически дальневосточный образ лисицы, этот мотив остаётся невостребованным. В романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» хвост хоть и несёт важную сюжетную функцию, однако, он один, и символика чисел отсутствует. Нам представляется, что это можно объяснить как непониманием китайского символического значения чисел писателями, так и тем, что большинством читателей этот смысл не будет воспринят, поскольку в русской традиции существует совершенно иная символика чисел.

Согласно традиционным представлениям лиса способна принимать облик человека, как правило, женщины. Как отмечают исследователи дальневосточной литературы, «родовая характеристика

лисы-оборотня» состоит в следующем: «это существо женского пола, которое стремится к браку с мужчиной-человеком» [6, с. 268]. Такое определение справедливо для всех вариантов образа лисы-оборотня китайского культурного ареала. В западной литературе наиболее часто встречаются исследования гендерного смысла образа лисы. Применительно к корейскому варианту образа — кумихо (который всегда является отрицательным) американский исследователь Хайнц Инсу Фенкль отмечает: «Корейская кумихо наиболее часто используется как предостерегающий символ опасности женской сексуальности. Традиционная Корея — это культура с доминирующей конфуцианской моралью и этикой, однако правила конфуцианской культуры базируются на тонкой основе, сотканной из анимизма, шаманизма, буддизма и даосизма. Эта патриархальная структура, которая даёт привилегии мужчинам, а также маскирует (и явно подрывает) силу женщин» [7]. Польская исследовательница А. Пивоварска в докладе на 9-м Европейском конвенте молодых корееведов в Варшаве (17–20 сентября 2012 г.) также отметила, говоря о кумихо, что её жестокость по отношению к мужчинам в сказках является демонстрацией наказания за то, что последние не исполняют правил конфуцианской семейной иерархии. Так, в сказке «Лиса и братья» долгожданная младшая дочь оказывается лисой, убивает отца и двух братьев, пока её не побеждает с помощью буддистского монаха младший из братьев. А. Пивоварска считает, что отец изначально был на стороне дочери, что противоречит патриархальному порядку конфуцианского общества, он усомнился в честности своих сыновей, обвинявших сестру в том, что она лиса. Именно за это пренебрежение должным положением вещей отец и расплатился жизнью и благополучием своей семьи и всей деревни.

Однако в Китае, где конфуцианство зародилось, образ лисы амбивалентен. Как правило, сюжет обмана и соблазнения лисой человека становится репрезентативным в более поздних произведениях восточных и западных авторов. Наиболее распространённый сюжет, связанный с лисицей-оборотнем, представляет собой историю соблазнения лисой человека с последующим обманом, либо, в отдельных случаях, при достойном поведении мужчины, счастливой совместной жизнью.

В повести «Лотос» также актуализируется функция образа лисицы как женщины. Она возникает в жизни героя — художника Лохова — в образе медицинской сестры, ухаживающей за его больной матерью, но герой прозревает её сущность: «Лиса? Она, она!» [3, с. 296]. Несмотря на привлекательность медсестры-лисы и её гуманистическую профессию, Лохов осознаёт опасность: мысленно он называет лису «Которая Всё Делает Наоборот» [3, с. 296, 297, 300]. Таким образом, не называя прямо лисицу оборотнем, автор вносит мотив оборотничества и соотносит лису с медсестрой, и давая ей значащее имя¹.

Примечательно, что лиса-медсестра появляется незадолго до смерти матери героя, она становится спутником смерти и в романе подчёркивается её демоническая природа, поскольку она приходит «из пурги, из влажной белой мглы ее, из сатанинского воя, судорог и нечестивого трепета внешнего мира» [3, с. 298]. Однако осознание угрозы не спасает Лохова от наведённого лисой морока. Ему кажется, что близость чужой смерти пугает и, казалось бы, неуязвимую лису-оборотня, поэтому она просит нарисовать её, чтобы оставить в мире свой образ. Когда через много лет Лохов случайно убивает на могиле матери лису (ту самую, как он думает), он укрепляется в мысли о всемогуществе смерти: «Ты, Рыжая Лиса, обманулась. Не уйти тебе от гудящего рядом дыхания смертного бегуна» [3, с. 303]. Однако лиса обманула художника — она лишь притворилась мёртвой, убив надежду у героя.

Ещё одна важная деталь, позволяющая возвести образ лисицы в «Лотосе» к дальневосточному варианту и одновременно связывающая её со смертью, состоит в том, что герой Кима встречает лисицу на могиле матери, где у зверька была запасная нора. Герой принимает её за воплощение души матери: «...Как раз в эту минуту раздумья и появилась перед ним лиса. Он не мог представить, откуда, каким образом всего в трех шагах от него возник этот красивый зверь. И оттого что разум никак не справлялся с подобной загадкой, в нем сразу же возникло <...> предположение чуда <...> Оно свершилось на его старых глазах, чтобы доказать истинность

¹ Мотив оборотничества как самостоятельный, оторванный от образа лисицы, становится сюжетообразующим в романе-сказке «Белка» (1985). Сюжет романа основан на представлении о существовании всемирного союза оборотней, которые захватывают и подчиняют себе человечество, лишают его способности к творчеству, созиданию.

человеческого упования в преображение: он в первую минуту решил, что покойная мать превратилась в лисицу!» [3, с. 291]. И. Алимов подчёркивает связь образа лисицы с загробным миром: «В классических китайских сяшо¹ постоянно встречаются упоминания о том, что лисы роют свои норы в старых могилах, как правило, заброшенных, или рядом с ними. Наверное, поэтому в сознании китайцев присутствует прочная связь между душами умерших и живущими в их могилах лисицами» [1, с. 52].

В дальневосточной традиции существует ещё один вариант образа лисы-оборотня, представленный в дальневосточной мифологии, что примечательно, в мужском роде. На это указывает кореевед М. Н. Никитина, в своём исследовании об архаичной мифологии Корейского полуострова. Речь идёт о мифе об «оборотне-агрессоре», представляющем собой ложное солнце — признак грядущих бед.

Соответствия с этим мифом мы также находим в повести «Лотос», преломлённые в свете сквозной для творчества писателя темы бессмертия. Так, впервые лиса появляется среди живописного пейзажа — синевы неба и моря, пробуждения природы. Лиса прямо соотносится с солнцем: «синий цвет созвучен также Солнцу, Огненной Лисе», «частичка солнца — рыжая лиса» [3, с. 284]. Образ лисы с момента появления содержит в себе мотивы агрессии по отношению миру: лиса возникает во время охоты на куропатку, и автор подчёркивает, что у хищницы «злая голова» [3, с. 284]. Однако в то же время лиса является и частью этого мира, неоднократно говорится о её «созвучности» небу, снегу, солнцу. А. Ким описывает мир как гармоничное творение, в котором «даже радость белых куропаток, которых не удалось поймать лисе, сопряжена в гармонии единой с голодной злобой и печалью зверя» [3, с. 284].

В современной русской литературе нарастает интерес к дальневосточной культуре, однако меняется характер использования подобной образности. Если у Кима, при безусловном экзотизме ориентальных мотивов, существовала живая связь с традицией, использование образов лисы, элементов буддизма и даосизма органично вплетались в авторское мировоззрение, то на современном этапе использование ориентальных мотивов во многом определяет мода. Так, например, в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» лиса-оборотень А во многом генетически связана не столько с культурной традицией, сколько с распространением этого образа в массовой культуре (в первую очередь, в японских анимационных фильмах). Безусловно, в романе сильна и китайская традиция (наваждение, жизнь в могилах, бессмертие), однако, автор иронически трансформирует народный сюжет о лисьем наваждении («жертвы» сами приходили к лисе, а потом имитировали ужас от встречи со злым духом).

Можно привести и другие примеры обращения к ориентальной образности как дани моды. Так, например, в романе А. Геласимова «Степные боги» смешиваются несовместимые традиции: дзен, даосизм и бурятский шаманизм, что позволяет говорить об эклектике и неглубоком понимании традиции.

Таким образом, в раннем творчестве А. Кима мы видим истоки современного обращения к дальневосточной образности, однако качественно отличной от него. Образ лисицы-оборотня обладает чертами, характерными для архаичных дальневосточных мифов (связь с солнцем), для более поздних вариантов, в том числе и литературных (соблазнение мужчины, введение его в заблуждение). В то же время примечательно, что, несмотря на свою враждебность миру, предрасположенность к обману, именно образ лисы является символом бессмертия и общности мира в вечности.

Список использованной литературы:

1. Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / Игорь Алимов. — СПб.: «Наука», 2008. — 284 с.
2. Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин) / предисл., пер. и комментарий Э. М. Яншиной. — М.: «Наука», 1977. — 236 с.
3. Ким А. Избранное / Анатолий Ким. — М.: Советский писатель, 1988. — 720 с.
4. Никитина М. И. Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран / Марианна Никитина — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. — 560 с.

¹ Сяшо-малая форма китайской прозы, повествующая, как правило, об исключительных, часто мистических происшествиях.

5. Полякова Г. Ф. Предание о Рогатой матери-оленихе в «Белом пароходе» Ч. Айтматова. Историко-литературный анализ. — М.: «Индрик», 1999. — 224 с.
6. Торопыгина М. В. Японский средневековый рассказ (отоги-дзоси) / Торопыгина М. В. — М.: РГГУ, 2011. — 456 с.
7. Fenkl H. I. A Fox Woman Tale of Korea [Электронный ресурс] / Heinz Insu Fenkl. — Режим доступа: <http://www.endicott-studio.com/rdrm/rFoxTale.html>

Oriental Images in the Early Prose by Anatoly Kim

The article deals with one of the Far Eastern mythological images (the «werefox») in early prose of Anatoly Kim. The author of the article has identified the attributes of this image in Far Eastern culture and analysed the interpretation of them given by Anatoly Kim. The attempt to study organic connection of the imagery in Kim's writings with tradition and contemporary Russian literature — which use Far Eastern images — has also been made in the paper.

Key words: A. Kim, Far Eastern culture, modern Russian literature, demonology, mythopoetics.

УДК 81–115:811.8

Лідія Білоножко (Київ)

ВІДОБРАЖЕННЯ АТМОСФЕРИ ГАРЛЕМСЬКОГО РЕНЕСАНСУ У РОМАНІ ТОНІ МОРРИСОН «ДЖАЗ» ЗАСОБАМИ ВЕРБАЛЬНОЇ МУЗИКИ

У статті розглянуто та проаналізовано окремі приклади використання вербальної музики в романі Тоні Моррісон «Джаз». Визначено основні художні функції зразків вербальної музики в тексті. Першорядну роль для інтерпретації одного з видів джазових імплікацій відіграє розуміння Гарлемського відродження як основоположного культурного феномену в історії афро-американської літератури.

Ключові слова: вербальна музика, інтермедійність, джаз, Гарлемський ренесанс, модернізм, музикалізація прозового твору.

Вивченню питань про форми і характер взаємодії літератури й музики сприяє розвиток теорії інтермедійності та інтермедійного аналізу, що в свою чергу дозволяє відкрити нові перспективи прочитання, інтерпретації та аналізу стилістичних особливостей того чи іншого твору. Взаємодія мистецтв у художньому творі виступає явищем генетично-закономірним та відображає загальну тенденцію тяжіння сучасної художньої практики до багатовимірної репрезентації.

Серед досліджень, присвячених питанням взаємодії музики й літератури, найбільш відомими є розвідки німецьких та російських дослідників: Стівен Пол Шерр, Альберт Гірр, Вернер Вольф, Наталія Брагіна, Катерина Павлова, Оксана Каркавіна та інші. Мета цієї статті полягає в тому, щоб визначити роль використання зразків вербальної музики в романі афро-американської письменниці Тоні Моррісон «Джаз». Серед завдань, які необхідно виконати для досягнення цієї мети, — розглянути та проаналізувати приклади застосування вербальної музики в романі у їх зв'язку з феноменом Гарлемського ренесансу як культурного явища, що дало початок розвитку джазового мистецтва в Америці. Зважаючи на достатньо велику кількість публікацій, присвячених проблемам ідентичності та мультикультуралізму, звернемось передусім до аналізу художньо-естетичних властивостей тексту у зв'язку з реалізацією основних ідей досліджуваного роману.